Перед третьим поколением передовых людей России XVIII в. — поколением Новикова, Фонвизина, Державина, Княжнина — стояла еще более сложная задача: после крушения идей просвещенного абсолютизма, сразу обнаружившегося в первые же годы царствования Екатерины II, найти замену этим идеям, не производя ни политической, ни тем более социальной революции. По-разному решали этот вопрос разные люди этого поколения. Так, Фонвизин, с одной стороны, считал «двор», то есть верховную власть, Екатерину, «неисцельно больным», а с другой, все же полагал, что писатель может быть в тиши своего кабинета «полезным советодателем своему государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества». И Державин, считавший своей заслугой, что «истину царям с улыбкой говорил», но забывший при этом свои поразительные стихотворения «Властителям и судиям» и «Храповицкий! Дружбы знаки...», и Княжнин, смело сказавший, что «самодержавие повсюду бед содетель», и многие другие люди их поколения, утратив веру в благодетельность просвещенного абсолютизма, в той или иной форме высказывались за компромисс с самодержавием, которое надеялись исправить своими советами, своей помощью.

Новиков не ставил вопроса о компромиссе, так как не питал надежд на способность российских монархов следовать благим советам писателей и философов. В противоположность некоторым своим сверстникам он поставил своей главной задачей пробудить в русском обществе инициативу, создать влиятельное общественное мнение, воспитать сознательных патриотов, способных сочетать здравые национальные традиции и достижения новейших поколений русских людей с лучшими, оправдавшими себя на деле достижениями европейской культуры.

Сила Новикова и в то же время его слабость проистекали из его главного просветительского убеждения, что «мнения правят миром», из его веры в то, что распространение здравых воззрений, то есть подлинной нравственности среди людей, является основным, если не единственным средством уничтожения зла на земле. Утратив веру в то, что Екатерина и ее правительство способны и, главное, желают «исправлять нравы», Новиков всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, как оно ему представлялось. Менялись только формы борьбы: сатирическая журналистика уступала место обширной и разнообразной книгоиздательской деятельности, параллельно вновь возникала журналистика, на этот раз философская, эстетическая, историческая, критическая. Даже после освобождения из крепости Новиков не успокоился, только ограничился пропагандой своих любимых идей в кругу единомышленников, — но борьба со злом оставалась у Новикова на всем протяжении его жизни единственным делом, и при этом источником зла представлялись ему прежде всего безнравственность, отсутствие прочных моральных убеждений и проистекающая отсюда, как он говорил, «развратность действий».